

“Демократия — очень хрупкое и уязвимое порождение человеческой цивилизации. Подобно радиоактивным веществам, она подвержена процессу распада. Диктатура, деспотия, тоталитаризм, как раковая опухоль, немедленно возникают при сбоех общественного механизма демократии...”

А. Собчак. “Проблемы российской конституции”

ВИКТОР ПЕЛЕВИН И МОИ ВЗАИМНООТНОШЕНИЯ С ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНЬЮ

Как бы мы с мазохистской традиционностью ни безнадежничали по поводу будущего России, тем не менее летом 1998 года до августовского обвала рубля в музеях мира, как никогда, было заметно нечто новое, обнадеживающее — стремительное “обрусение” посетителей. И это были уже не только “новые русские” и “средние русские”, а “полусредние русские”, приезжавшие порой совсем “по дешевке” на автобусах и ночующие в задрипанных отелях или в пустующих интернатах чуть ли не вповалку — лишь бы увидеть хоть ненадолго остальной мир, украденный у их отцов и дедов. Такое было непредставимо ни в брежневское, ни тем более в сталинское время. Выражение “выездная комиссия”, слава Богу, уже забыто новым поколением. Впервые за всю историю ев-

ропейские музеи начали выпускать путеводители на русском языке. На каждом шагу в Лувре, в Прадо, на руинах Помпеи и Акрополя звучала русская речь, и самое прекрасное, когда это были детские голоса.

Что делал я в девять лет? Постукивая валенком о валенок, стоял в ночных очередях с хлебными карточками в заскорузлой от мороза варежке. О какой Европе я тогда мог мечтать?

Ватикан в этом августе был наводнен толпами русских туристов, еще не подозревавших, что над их головами не только апостолы и грешники Сикстинской капеллы, но и грозно нависающая экономическая катастрофа. Однако наши туристские автобусы, привозившие ненадолго счастливых золушек из российских провинций хоть одним глазком взглянуть на роспись Микеланджело, через пару недель опять превратились по чьему-то злему волшебству в неподвижные тыквы. Российский туризм был раздавлен обвалом рубля. Но тогда это было еще впереди.

Мой девятилетний сын Женя спросил, разглядывая роспись Сикстинской капеллы, где грешники напрасно пытаются карабкаться в рай:

— Пап, а ты где окажешься — в аду или в раю?

— В раю навряд ли... Но вообще-то грехи у меня небольшие, — попытался отшутиться я. — Так что, надеюсь, ада я все-таки не заслужил.

Евгений Евтушенко Между стыдом и страхом

Нам не нужна насильственная идеология — нам нужны идеалы

Но сын не отставал, пронзая меня неотвязными, моими же голубыми глазами, как будто это я, вселившийся в него, спрашивал самого себя:

— Пап, ты в этом уверен? А что, если там возьмут и взвесят твои маленькие грехи все вместе?

Мне стало как-то не по себе, несмотря на мою патологическую для поэта несклонность к мистицизму. Видения ада — в вариациях то Микеланджело, то Доре — время от времени возникали в моем воображении целую неделю до возвращения в Москву.

Когда я вернулся, в первый же день мне позвонил из С.-Петербурга один литератор, на редкость по нынешним временам нафаршированный иллюзиями, и, захлебываясь от восторга, сообщил, что в будущем году во граде Петровом состоится Всемирный конгресс поэтов, посвященный Пушкину, и что уже есть спонсоры... Этот идеалист тогда тоже еще не чувствовал, что на его иллюзии и на спонсоров этих иллюзий с высоты неумолимо надвигается гигантский

Александр КАЗАНОВ

государственный оползень.

— Но где ты найдешь поэтов на целый конгресс? — спросил я с сомнением. — По-моему, лучше пригласить писателей не по жанру, а по таланту. Габриэль Гарсиа Маркес... Патрик Зюскинд... Артур

Миллер... А из наших новых прозаиков обязательно Виктора Пелевина... Это же сразу и Кафка, и Рэй Брэдбери вместе да еще плюс наша советско-антисоветская чертовщина... Вот кого интересно послушать — что он думает о Пушкине.

— Вы мне Маркеса достаньте, а Пелевин — это проще пареной репы. Я ему сам звякну... — ответил расторопный петербуржец. — Мы с ним когда-то на спор литературную теорию придумали — и всего-навсего за бутылку портвейна “три семерки”...

И тут он произнес термин, который в меня как-то не вошел, — что-то вроде “турбовинтовая проза”.

Меня литературные теории не слишком интересуют. Мне нужен был суперзасекреченный номер телефона Пелевина, который мне не удалось рассекретить даже при помощи нашего общего издательства “Вагриус”. Пелевин, подобно автору “Над пропастью во ржи” Сэллинджеру, избегал интервьюеров, на обложках последних пелевинских книг лицо “писателя-невидимки” было перекрыто черной полосой, и ходили слухи, что он проводит многие месяцы где-то в монастырях Южной Кореи, ныряя то из буддизма в Интернет, то из Интернета в буддизм.

Окончание на стр. 6

Лит. газета. — 1998
— 2 дек. — с. 1, 6

